

Волчонок увидел, что маленький Яньсы лежит на коленях у Линь Яньхуна, всем телом прижавшись к нему, и тут же бросил есть молочную кашу. Он подбежал к столу, сморщил мордочку и устался на мальчика. Заметив, что тот только сильнее прячется в объятиях Линь Яньхуна, волчонок вдруг начал выть: ау-у, ау-у.

— Мышь... Мышь... Пи-пи-пи... — услышав вой, малыш удивился и растерялся. Он указал на волчонка пухлой ручонкой и обернулся к Линь Яньхуну.

Линь Яньхун промолчал. Они действительно братья, в жилах которых течет кровь клана Линь. Даже в том, чтобы принять Цзинчэна за мышь, между ними существует какая-то незримая связь.

Волчонок, поняв, что имел в виду Яньсы, разозлился. Он уже собрался спрыгнуть со стола, но Линь Яньхун схватил его и прижал к себе, держа на расстоянии от мальчика.

— Ау-у — это не мышь, Ау-у — это волк... волкодав, — с улыбкой объяснил Линь Яньхун. — Яньсы, не бойся, он не кусается.

«Князь Юй, прости, что я назвал Цзинчэна волкодавом... Иначе обычные люди никогда бы не решились завести такого "хищника"!»

Хотя волчонок и показал свои «клыки» в попытке напугать, вышло это не слишком убедительно. Яньсы внимательно рассмотрел его и решил, что крошечные зубки и лапки вряд ли опасны, поэтому страх немного отступил.

Он широко раскрыл глаза и робко посмотрел на «волкодава», который, казалось, к нему не расположен. Пухлая ручонка крепче ухватилась за одежду Линь Яньхуна.

Волчонок заметил это, прищурился и тоже потянулся лапкой к одежде Линь Яньхуна, положив голову ему на грудь, начал тереться о нее.

...

Время шло, и Линь Яньхун поручил тетушке Чунь накормить Яньсы завтраком, а Хупо дал указание:

— На улице холодно, Ау-у еще слишком мал, пусть играет в моей комнате.

Сказав это, он взял волчонка и ушел во внутренние покои. Он положил малыша на свою кровать, коснулся пальцем его носика и предупредил:

— Эти пару дней оставайся в комнате, не бегай повсюду. Будь послушным, понял?

Перед отъездом князь Юй говорил, что скоро построит здесь тайную комнату для укрытия Цзинчэна, а затем пророем подземный ход из резиденции Линь на улицу, на всякий случай.

Линь Яньхун полагал, что они только прибыли в Юньян, поэтому ни тайная комната, ни туннель пока не готовы. До тех пор малышу придется потерпеть и оставаться в комнате, чтобы его не заметили.

Затем он положил рядом с кроватью свой старый костюм и, указав на одежду, сказал волчонку:

— Если вернешься в человеческий облик, не ходи голым, надень это.

Хотя малыш уже умел контролировать превращение, Линь Яньхун перестраховался.

Чтобы никто не подслушал, Линь Яньхун наклонился к самому уху волчонка и прошептал очень тихо. Волчонок почувствовал, как горячее дыхание проникает в ушко, стало тепло и щекотно, и он пошевелил ушами.

Линь Яньхун заметил это и улыбнулся, погладил его по голове:

— Я постараюсь вернуться пораньше, не бойся.

Волчонок, который из-за появления Яньсы немного напрягся и ревновал, увидев улыбку и услышав ласковые слова, тут же забыл обо всем и обнял его руку лапками.

Линь Яньхун глядел в его прозрачные глаза и вдруг почувствовал укол в сердце.

«Неудивительно, что те ученые, у кого есть жены и дети, становятся ленивыми... Соблазн семейного счастья слишком велик!»

Поскольку он думал о малыше в комнате, Линь Яньхун после занятий у учителя впервые не остался попрактиковаться в письме, а попросил Сюаньцина собрать вещи и сразу отправился обратно в Восточный двор.

Зимой в комнате, хоть и стояла печь, писать было холодно.

Учитель жил в резиденции Линь несколько лет и знал, что здоровье Линь Яньхуна всегда было слабым. Хотя после поездки на гору Ушань он выглядел лучше, старые недуги лечились тяжело, и страх перед холодом зимой был вполне естественным.

К тому же Линь Яньхун не ушел раньше времени, просто не задержался подольше, поэтому учитель не только не рассердился, но и велел ему беречь здоровье.

Прощавшись с учителем, Линь Яньхун не стал дожидаться Линь Яньсина и поспешил домой.

Слуга Линь Яньсина тоже собирал его вещи. Он смотрел в спину Линь Яньхуна, и в глазах читалась мрачность.

— Молодой господин, вещи собраны, можно возвращаться, — тихо доложил он, боясь рассердить хозяина.

В последнее время характер второго молодого господина становился все хуже, и слугам доставалось. Он не только ругался каждый день, но и несколько раз ударил слугу, ладони до сих пор болели.

Госпожа Чжэнь была под домашним арестом, и второй молодой господин часто срывал на ней злость. Атмосфера в Южном дворе была гнетущей, прежнее высокомерие исчезло бесследно.

Говорили, управляющий Го Сян сумел найти подход к старейшине и, вероятно, получит хорошую должность, вызывая зависть всех.

Напротив, в Восточном дворе старший молодой господин вернулся с горы Ушань, и словно по чуду многолетняя болезнь отступила. Старейшина и старая госпожа стали относиться к нему с большей милостью.

Резиденция Линь взяла на воспитание маленького Яньсы из пятой ветви, что принесло много

похвал. На самом деле заботился о нем Восточный двор, но посторонние этого не знали. Впрочем, во Восточном дворе не жаловались, там, как говорили, царили смех и мир.

Если подумать, всего за полгода ситуация в Южном и Восточном дворах словно поменялась местами.

Слуга только надеялся, что на грядущем экзамене туншэн второй молодой господин покажет хороший результат и Южный двор снова сможет поднять голову.

...

Сегодня не нужно было идти в Хэаньтан, и Линь Яньхун, вернувшись во двор, сразу пошел к себе.

Войдя во внутренние покои, он увидел, что волчонок стащил с кровати аккуратно сложенное одеяло и теперь катался по нему, видимо, от восторга.

Заметив Линь Яньхуна, малыш мгновенно вскочил, подбежал к краю кровати и залаял.

Линь Яньхун быстрым шагом подошел, поднял его и похлопал по спинке:

— Сначала поедим, ты голоден?

Затем он наклонился к его уху и тихо сказал:

— Вечером посмотрю, как ты пишешь. Если напишешь хорошо, дам награду.

Ночью, плотно закрыв окна, Линь Яньхун наблюдал, как Ли Цзинчэн, вернувшийся в человеческий облик, пишет.

Юноша был очень сосредоточен, его красивое лицо в свете свечей казалось загадочным. Он держал кисть и писал на бумаге, каждый штрих делал с большой осторожностью, словно известный каллиграф.

Линь Яньхун, наблюдая за такой серьезностью, едва сдерживал смех. Наконец он произнес:

— Собственно, это не такая уж ценная вещь, не разочаруйся, когда увидишь.

Серьезность — это хорошо, и Линь Яньхун, конечно, не стал бы мешать Ли Цзинчэну, но он также беспокоился, что наследник князя Юй, видевший много прекрасных вещей, может разочароваться в его маленьком подарке.

Все это произошло потому, что раньше Линь Яньхун пообещал малышу, что если тот хорошо напишет, то получит награду. Но он не ожидал, что Ли Цзинчэн отнесется к этому так серьезно, и теперь чувствовал, что его «награда» может быть недостойной.

Ли Цзинчэн, затаив дыхание, продолжал писать, и у него не было времени отвечать на слова Линь Яньхуна. Поэтому тот мог только сидеть рядом и наблюдать, как Ли Цзинчэн «трудится».

Через некоторое время, закончив последний штрих, Ли Цзинчэн поднял кисть и положил её в сторону, затем взял лист бумаги и, наконец, облегченно улыбнулся.

Линь Яньхун подошел к нему, взял лист и, просмотрев его, с удивлением сказал:

— Ты написал очень хорошо... Видимо, дома ты не ленился.

Услышав это, Ли Цзинчэн тут же встал и протянул руку к Линь Яньхуну, явно требуя свою «награду».

Юноша стоял очень близко, и Линь Яньхун вдруг заметил, что за три месяца разлуки он заметно вырос.

Автор хочет сказать: Спасибо Мэнмэн Чжую, Цзюци Вандорнье, Мо Жань Чису и Су Сяодоу за брошенные «гранаты»! (*J3L)

<http://bllate.org/book/17693/1651375>